

СИМ ПОБЕДИШИ

« Все хорошие люди » (тургеневский « Месяц в деревне », только-что услышал я — по французскому радио... И СИМ ПОБЕДИШИ!

Повторяясь — возвещаю : да, между говорящих на языке, на котором — я пишу эти строки — **ЕСТЬ ХОРОШИЕ ЛЮДИ!**

Те из нас, кому подошло время — оставляют по себе — христианскую память.

Лев Толстой — жертвенно-добрый, лучший человек России.

Москвич, художник Леопольд Сюрваж (Штюрцваге), только-что умерший у нас в Париже, отец или дед которого — пришел в Москву из Финляндии, а предки были датчане, стал коммунистом — по доброте душевной, веря, что через 250 лет — это осуществится.

« Акция хорошего человека » по свидетельству наблюдателей — пробивается даже и сквозь большевистское воспитание.

Наша редакция совершила — пятую поездку в страну Изобилия Плодов Земных — явившись на собрание Ди-Пи intra парижских muros. Вот — образец будущей России!

Семилетний испанец — вил из безтелесной музыки Шопена — железную проволоку сухожилий.

Четвертый бетховенский фортепианный концерт — первая отправка в Космос биографических сведений — о нашем, человеческом роде.

Слушая Россини, я научился узнавать — ненужную мне музыку.

Музыка Россини — меня опошляет.

И у Моцарта и даже у Бетховена — есть «веселые минутки», но оба они — идут дальше... Россини-же на этом останавливается.

Дирижер Serge Bodo, в 6-й симфонии, показал мне Чайковского — с неожиданной стороны. Теперь он для меня — русское явление.

Я открыл в нем черты — поющие в униссон со мной.

«Играть на скрипке людских страданий.

На тайной скрипке своих-же болей», как... именно по-чайковски, заявил Гумилев в «Весах»... в 1910 г.

Слышал 4-ю симфонию, национального американского композитора — Чарльза Гайда.

Его «замысловое» могущество, по размаху — вызывает в памяти Н. Ф. Федорова: оркестр в 2000 человек, будет играть его произведение — непрерывно, в течении 250 лет.

Германия станет — одной из ведущих стран — надев сама на себя узду — освободившись от Вагнера.

Славянские и другие «новые народы» — осмыслит музыка.

На которой из фотографий — Аполлинер и Россини?

...Кто из них — объедагса больше?

Два портрета... на котором — Никсон и где — Громыко?

Maintenant, Picasso — ressemble à Sidney Bechet.

Между «что и как», отдав предпочтение первому «он» — создал такой большевистско-эмигрантский волопюк, что его писания превратились — в скверное «как».

С десятками лет практики, писатели становятся — блистательными барабанщиками (у нас, один из них — Ремизов).

Бумага — растаяла в воде.

Листик, утопающий в малой лужице — молит каждое пролетающее авто — о спасении.

Снег хрустит под ногами — как грецкий орех — сорванный с елки.

У автобусной остановки — стоят в очереди — два горных тура.

Лебедь, сопровождает сторожа — распустившись лилией, из которой выглядывает — тещин язык: важный, торжественный — индюк.

Где лебеди научились фыркать — по-лошадиному?

В большой семье, целый день — мяукают котятка.

Услышав детский голосок — лезу в карман за конфетой.

Я — не за бортом жизни, а — никогда не был на борту.

Ум, лоб женщины — живот. Глупая, бесталанная женщина — бездетная. Девственница.

Песня во сне от 10 11 68

В какой стране — не известно.

Скорее всего — в райской. В зеленой.

В огромном парке-лесу.

Нас, конечно — несколько человек, потому-что вокруг П. всегда ослепленные чудом.

Но, она, по-всегдашнему так устроила, что мы оказались одни.

Мы — идем-летим по высокой, густой, траве, вроде осоки.

Нас окружает — фиолетовато-голубоватая, ладанная — тень, лесная мгла.

Мы оказались на берегу — паркового, искусственного ручья-речки, покрытого все той-же — высокой, почти по колена травой, в которой есть цветочки.

Идем мы, конечно — не как молодые влюбленные — не взявшись за руки, или подруку... куда там!... но вот, как певалось встарину «ничего мне (больше) на свете не надо».

И я переполнен потребностью — прокричать ей «П. мне хорошо с тобой!»

Но, разумеется и ей хорошо со мной и этим чувством — мы переполнены, оба это знаем.

И вдруг она — перескочила на другой берег ручья, все в такие-же высокие травы.

...Как-же она перепрыгнула, перелетела?... и оказываюсь около нее.

Она подходит к каждому, отдельно растущему цветку... и я боюсь, что она будет их рвать, но ведь это делать нельзя!

Ведь — это парк!

Она-же, каждого касается рукой, иные из них, особенно не ярко-красные — такие-же высокие как трава — но не рвет.

Один цветок, довольно большой, молочно-желтый — упал в траву, и увядает.

Она подняла его — и он воскрес.

Нашему взаимному тяготению — столько лет, что П. — совсем не молода... так-как мне-то самому — под 80, но «ничего мне (больше) на свете не надо» — «в наших отношениях — никогда, ничто не изменится».

Она низко склонилась над цветком... как-то кругообразно — легла около него, и я смотрю на нее вниз.

И она, чем-то связанная с цветком, смотря на меня вверх, с обычным, вечным восторгом-обожанием, тихо и грустно говорит : « а мне еще нужно итти на танцы! »

Я грустно-проникновенно-отрешенно — смотрю на нее, и она, еще более трагически и тише, добавляет « а такого-то числа — я уезжаю ».

Я — не слышал цифру, это... седьмого или девятого.

...Но ведь 7 — нынче, а 9 — после завтра!

В это мгновенье, она — превращается в кассиршу лавки с которой я обмолвился днем фразой она : круглолица, далеко за 50 и морщиниста.

...И я — увядаю.

S. Charchoine
13, rue de Chatillon
92 — Vanves
(France)

Сергей Шаршун
19. 1. 69
736-16-55

Издательство : Вопрос